

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Вас

Васильева Екатерина Николаевна

МОНТЕСКЬЕ И РОССИЯ

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы, Америки, Австралии)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

24 ФЕВ. 2011

Санкт-Петербург
2010

Работа выполнена на Кафедре истории зарубежных литератур
Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лукьянец Ирина Владимировна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Алташина Вероника Дмитриевна
(Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена)

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Плавинская Надежда Юрьевна
(Институт всеобщей Истории РАН)

Ведущая организация: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Защита состоится «17» февраля 2011 года в 16⁰⁰ часов на
заседании совета Д 212.232.26 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по
адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 108.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по
адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «5» января 2011 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

С.Д. Титаренко

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена изучению творчества одного из самых масштабных писателей и мыслителей Просвещения, Шарля-Луи де Секонда, барона де Ла Бред и де Монтескье (1689-1755), в контексте истории русско-французских литературных связей в XVIII веке.

На сегодняшний день в изучении русско-французских связей можно выделить два основных направления. Объектами исследований являются, с одной стороны, вопросы, связанные с распространением просветительских идей в России, и с другой стороны, различные интерпретации так называемого «русского мифа» в творчестве французских просветителей. Между тем, имя Монтескье редко упоминается в контексте проблемы русско-французских связей, поскольку научный интерес направлен преимущественно на изучение второй половины XVIII столетия. В то же время, невнимание к русской теме в творчестве писателя следует объяснять ее кажущейся незначительностью. Отдельные высказывания, имеющие отношение к истории России, русскому народу и отдельным историческим персонажам, рассредоточены по разным сочинениям (роман «Персидские письма», трактат «О духе законов», сборник «Мысли») и личной переписке Монтескье и как будто не позволяют говорить о существовании определенной концепции России в творчестве писателя. В действительности, автор проявляет продолжительный и непрерывный интерес к России, являющийся частным проявлением интереса к проблеме «другого», которая, в свою очередь, является одной из ведущих проблем творчества Монтескье.

Знания французского писателя о России основываются, главным образом, на чужом опыте. Бытует мнение, что рассказы о путешествиях оказывают исключительное влияние на формирование представлений Монтескье о России. Между тем, последние складываются на основании множества самых разнообразных источников, в том числе и устных. Так, в результате использования неоригинальных сведений в сочинениях французского просветителя создается самобытный, принципиально новый образ России. Парадоксальным образом то небольшое и частное, что Монтескье пишет о стране, о которой он не имеет никакого опытного знания, имеет принципиальное значение для понимания его социально-политической теории. Однако значимость представлений писателя о России не исчерпывается той ролью, которую они играют в философии Монтескье. Эти идеи находят свое продолжение в творчестве российских писателей - как собственно русских авторов, так и иностранцев, живших в России. Значительный отклик, который немногочисленные высказывания Монтескье о России вызывают в литературных и околосредовых кругах в самой России, свидетельствует о таких важных свойствах мысли французского писателя, как историческая проницательность, проявляющаяся в способности точно определять наиболее острые и

актуальные проблемы современной ему эпохи, а также в способности вызывать широкий резонанс. Рецепция творчества Монтескье в России во второй половине XVIII века представляет собой крайне противоречивый процесс, объединяющий совершенно противоположные тенденции, от абсолютизации отдельных положений до их категорического неприятия. Изучение этого процесса представляется необходимым для общего понимания путей формирования русско-французских литературных связей в эпоху Просвещения.

На сегодняшний день существует большое количество общих работ, посвященных русско-французским связям и отчасти затрагивающих поставленную в диссертации проблему. Среди ставших классическими трудов отметим работы Д. Мореншильда, А. Лортолари, С.Я. Карпа, А.Ф. Строева. Более частные аспекты проблемы, наиболее близкие к теме настоящего исследования, рассматривались в работах Ф.В. Тарановского, Г.Г. Шклявера, Р. Минути.

Об актуальности исследования свидетельствует, прежде всего, обращение к первой половине XVIII века. Именно в этот период закладывается фундамент будущего восприятия России во Франции и Франции в России, и именно этот период в истории русско-французских связей является наименее изученным. В диссертации впервые предпринимается попытка комплексного рассмотрения русской темы в творчестве Монтескье, а именно путей формирования образа России у Монтескье и русской реакции на этот образ. И хотя Россия не является приоритетной областью интересов писателя, в его сочинениях содержится, тем не менее, исключительный материал для понимания того, какими путями происходило взаимное узнавание французской и русской культур в эпоху Просвещения.

Вместе с тем, рассматриваемая в диссертации проблема решается в контексте современного пересмотра традиционного подхода в изучении русско-французских связей. До сих пор отношения между русской и французской литературой рассматривались с неравных позиций как отношения между учеником и учителем, отныне все более утверждаются представления об отношениях между двумя литературами как о диалоге двух самостоятельных единиц.

Научная новизна исследования определяется не только новизной поставленной в диссертации проблемы, но и рядом нетрадиционных установок в подходе к ее изучению. В частности, для исследования русской темы в творчестве Монтескье применяется нетрадиционный - бинарный - подход. Необходимость такого подхода продиктована двухчастным характером самой проблемы, одной гранью которой является реконструкция образа России у Монтескье, а другой - попытка проследить его судьбу в литературе последующей эпохи.

Для осуществления исследования привлекаются малоисследованные и совсем неисследованные источники, в том числе рукописные. В свою очередь, известные широкому читателю материалы рассматриваются в новом контексте.

Предметом настоящего исследования являются:

1. Тексты, способствовавшие формированию образа России в творчестве Монтескье. К ним относятся многочисленные отчеты о путешествиях и исторические сочинения, принадлежащие перу предшественников и современников писателя, а также материалы из франко- и англоязычной прессы XVIII века.
2. Сочинения Монтескье. В их число входит художественная и философская проза писателя, а именно роман «Персидские письма» (письма LI и LXXXI) и трактат «О духе законов». В диссертации рассматриваются также «Путешествия» - заметки Монтескье о его путешествии по странам Западной Европы (1728-1731), личная переписка писателя, сборник «Мысли», в котором зафиксированы, помимо прочего, устные сообщения современников писателя о России.
3. Русские переводы Монтескье XVIII века, в том числе фрагменты «Персидских писем», опубликованные в русской периодике, и неопубликованные переводы «Духа законов» и «Размышлений о причинах величия и падения римлян».
4. Тексты, несущие на себе следы рецепции Монтескье. К ним относятся разные по жанрам и форме сочинения, принадлежащие русским, а также иностранным авторам, жившим в России. Так, в диссертации исследуются сочинения шевалье Дезессара («Московский путешественник, или Русские письма»), Фридриха-Генриха Штрубе де Пирмона («Русские письма», «Слово о начале и переменах российских законов»), императрицы Екатерины II («Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения»), князя Михаила Михайловича Щербатова («Замечания на Большой наказ Екатерины», «О повреждении нравов в России», «Разные рассуждения о правлении»).

Основная цель данной работы заключается в определении особенностей рецепции Монтескье в России во второй половине XVIII века. Достижение означенной цели оказывается возможным в ходе решения конкретных задач, состоящих в том, чтобы:

1. Дать обзор состояния западноевропейской мысли в первой половине XVIII века;
2. Реконструировать пути формирования образа России в творчестве Монтескье и проследить эволюцию этого образа от «Персидских писем» к «Духу законов» с целью объяснить его своеобразие в общеевропейском контексте;

3. Выяснить принципы работы Монтескье с источниками;
4. Проанализировать природу избирательного интереса, проявляемого российскими авторами по отношению к тем или иным аспектам творчества Монтескье (высказывания о деспотизме и рабстве в России) и свидетельствующего о способности писателя выявлять самые острые, болезненные проблемы российской действительности.

Методологическую основу исследования составляет сравнительно-исторический метод, представленный традицией петербургской школы и, в частности, трудами А.Н. Веселовского (идея о «встречных движениях»), В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева и Б.Г. Реизова, а также французской традицией сравнительного изучения литературы.

Для решения поставленных задач использован различный инструментарий в рамках сравнительного метода. Первый аспект проблемы, связанный с определением путей формирования и специфики образа России у Монтескье, освещен в традиции так называемых имагологических исследований, которые являются одним из наиболее популярных направлений современной компаративистики. Второй аспект, связанный с восприятием творчества Монтескье в России, решается в свете рецептивной теории, однако с опорой не на немецких теоретиков (Х.Р. Яусс, В. Изер), а на их французских продолжателей (Д.-А. Пажо, И. Шеврель). Данный подход представляется наиболее релевантным, поскольку учитывает исторический контекст рецепции, или, иными словами, всю сложную, многоплановую картину «принимающей» литературы, от особенностей которой и зависят особенности рецепции того или иного автора или произведения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Своеобразие «русского мифа» в творчестве Монтескье выявляется на фоне сопоставления с образами других стран, представленных в его сочинениях. Россия не принадлежала ни к тем странам, которые Монтескье хорошо знал по своим личным впечатлениям (как Англия или Италия), ни к тем, что были подробно изучены им по сочинениям современников (как Персия или Китай).
2. Вопреки бытующему представлению о недостаточности сведений о России у Монтескье и о незначительном месте русски в западноевропейской литературе XVIII века в целом, можно констатировать относительное богатство и, что особенно важно, разнообразие использованных писателем источников. Монтескье использует не только рассказы о путешествиях, как полагает М. Доддс в своем труде «Рассказы о путешествиях, источники “Духа законов” Монтескье», но и исторические сочинения, материалы из газет, а также устные свидетельства современников.
3. Анализ переписки Монтескье, архивных данных (архив Бастилии) и некоторых косвенных доказательств подтверждает гипотезу,

разделившую мнения исследователей (М.П. Алексеев, Д. Мореншильдт, А. Лортолари), о возможных контактах Монтескье с Антиохом Кангемиром.

4. Монтескье свойствен особый принцип работы с источниками, который выражается в избирательном подходе к отбору материала в соответствии с неким «предумышленным» образом России. Этот принцип отбора материала функционален и в известном смысле тенденциозен, поскольку Монтескье подчиняет факты своим философским целям.
5. Монтескье занимает особую позицию в оценке личности и деятельности Петра I. В то время как современники Монтескье традиционно превозносят преобразования Петра, обвиняя русский народ в невежестве, автор «Духа законов» переворачивает роли и, напротив, отводит народу роль жертвы, а Петру - роль виновника варварства.
6. Интерпретация особого положения России между Западом и Востоком вписывается в общий контекст понимания истории у Монтескье, связанного с представлениями о том, что всякое историческое явление имеет конкретную причину. Так, по мнению писателя, Россия исторически принадлежит к Западу, но присущие ей черты «восточности» являются следствием завоеваний и продолжительным соседством с восточными народами (татаро-монгольское иго).
7. Своеобразие русской рецепции творчества состоит в том, что она происходит, прежде всего, на содержательном уровне и в значительно меньшей степени - на художественном. Жанровая рецепция Монтескье в России представлена, в частности, романом шевалье Дезессара «Московский путешественник, или Русские письма» - одним из редких и не вполне удачных образцов подражания «Персидским письмам». Жанр эпистолярного романа приживется на русской почве позднее и под более существенным влиянием других авторов.
8. Рецепция идей Монтескье в России во второй половине XVIII века выражается в самых разных формах, с одной стороны, в переводах, с другой, в оригинальных сочинениях, которые, в свою очередь, имеют самую разнообразную и не всегда легко определяемую жанровую природу. Это и своего рода философское рассуждение в письмах («Русские письма» Штрубе де Пирмона), и образец «политической» прозы («Наказ» императрицы Екатерины II), и нравственно-политический памфлет («О повреждении нравов в России» князя Михаила Михайловича Щербатова) и др.
9. «Русские письма» Штрубе де Пирмона являются одним из самых ранних откликов на «Дух законов» в России. Написанное в традиции

литературных опровержений (в которой позднее будет написан «Антидот» Екатерины II), сочинение представляет собой резкую критику положений Монтескье о деспотизме и рабстве. Позицию автора, заявлявшего, что формой правления в России является монархия, а крепостное право не противоречит представлениям о гуманизме, необходимо связывать с его шатким и крайне зависимым положением в России.

10. «Наказ» Екатерины II представляет собой любопытный пример рецепции идей Монтескье с последующим использованием их в качестве инструмента для создания благоприятного образа России в Европе и утверждения ее репутации как просвещенной монархии.

11. Примером наиболее объективной рецепции, сочетающей одновременно элементы одобрения и критики, выступают сочинения князя Щербатова «Замечания на Большой наказ Екатерины» и трактат «О повреждении нравов в России», свидетельствующие о незаинтересованной позиции автора.

Научно-практическая значимость диссертации заключается, прежде всего, в том, что в научный обиход вводятся рукописные материалы, которые впоследствии должны быть опубликованы. Кроме того, основные положения и выводы диссертации могут найти применение при подготовке общих курсов лекций по истории зарубежной литературы и сравнительного литературоведения, а также семинаров и спецкурсов по творчеству Шарля-Луи Монтескье и русско-французском литературном связям в эпоху Просвещения. Работа имеет также теоретическую значимость, которая состоит в том, что содержащийся в ней обширный материал дает представление о возможных путях рецепции творчества того или иного автора в другой культурной, исторической, литературной среде.

Апробация исследования осуществлялась в ходе обсуждения отдельных аспектов диссертации на аспирантских семинарах, проводившихся на кафедре истории зарубежных литератур СПбГУ. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на XXXVI и XXXVII международных филологических конференциях в СПбГУ (март 2007, март 2008), на VI международной конференции по проблемам литературы и культуры эпохи Просвещения, проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, март 2008), на круглом столе по литературе во Французском университетском коллеже (СПб, декабрь 2009), на научном семинаре в Доме ученых (СПб, ноябрь 2009). Основные положения диссертации также обсуждались на аспирантских семинарах, проводившихся на кафедре сравнительного литературоведения Университета Новая Сорбонна-Париж 3 (Франция), во время научной стажировки (октябрь 2008-июнь 2009 гг.). По теме диссертации опубликовано пять работ.

Структура работы определяется ее целью и основными задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав (одна из которых подразделяется на семь, а другая – на пять параграфов), заключения и списка использованной литературы. Объем работы составляет 170 страниц основного текста. Список литературы насчитывает 327 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** дается обоснование темы, определяется ее актуальность и степень изученности, формулируются цель и задачи работы, обосновывается методология. Во введении также представлен обзор отечественных и зарубежных трудов, посвященных отдельным аспектам поставленной в диссертации проблемы и позволяющих выявить те аспекты, которые до последнего времени оставались вне поля зрения исследователей.

Первая глава - «Россия в творчестве Монтескье» - представляет собой реконструкцию путей формирования образа России в творчестве Монтескье и анализ своеобразных представлений писателя о России в общем западноевропейском литературном контексте XVIII века. В **первом параграфе**, носящем название **«Путешествие в Россию в контексте литературы путешествий»**, рассматривается вопрос о роли путешествий в литературе XVIII века и о месте, которое занимает в этом пласте литературы путешествие в Россию. Вследствие «кризиса европейского сознания» рубежа XVII-XVIII веков на смену идее стабильности приходят идея движения и «вкус к путешествию»¹. Подтверждением тому служит появление огромного количества самой разнообразной литературной продукции, которую можно условно назвать литературой путешествий, в рамках которой постепенно намечаются два различных направления. К первому относится путешествие по знакомым местам старой Европы (так называемый «Grand Tour»), ко второму - путешествие в новые земли, обусловленное нарождающимся интересом к истории и культуре народов, не принадлежащих европейскому континенту². Путешествие в Россию в первой половине XVIII века однозначно следует рассматривать в контексте второго направления. В период работы над романом **«Персидские письма» (1721)** Монтескье сочувственно относится к идее об отдаленности России от европейской цивилизации. Автор отзываясь о русском народе как о «до сих пор всеми забытом и известном только у себя на родине»³. Между тем, на сегодняшний день существует достаточно

¹ Hazard P. La crise de la conscience européenne. 1680-1715. Paris, 1994. P.10.

² Berelowitch V. Europe ou Asie? Saint-Petersbourg dans les relations de voyage occidentaux // Le mirage russe au XVIIIe siècle, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.

³ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фивольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.82.

свидетельств, выявляющих несостоятельность такого суждения. В Европе, и в особенности во Франции, к началу XVIII века литература о России представлена достаточно хорошо. Известно о существовании многочисленных описаний, составленных путешественниками, посетившими Россию в составе военных, дипломатических или религиозных миссий. В параграфе дается обзор и характеристика тех из них, которые оказали наиболее значительное влияние на формирование образа России в Европе. Вместе с тем, литература путешествий хорошо представлена в домашней библиотеке Монтескье в фамильном замке Ла Бред. Обзор сочинений о России, имевшихся в библиотеке Монтескье, составляет другую важную часть параграфа.

Второй параграф «Зарождение интереса к русской теме. «Персидские письма» (1721)» открывается тезисом о том, что переломным событием в истории западноевропейской россики стало второе путешествие Петра I в Европу и его визит в Париж в 1717 году. Это событие вызывает широкий резонанс в литературе, и будущий автор «Персидских писем» не остается в стороне от этой волны «всеобщего любопытства»⁴. В частности, анализ переписки и материалов из сборника «Мысли» свидетельствует о том, что Монтескье особенно привлекает та сторона деятельности царя, которая связана с его научными интересами (освоение Каспийского моря). Основная часть параграфа посвящена анализу образа России, или Московии, в романе «Персидские письма» (письмо LI) - первом свидетельстве более или менее оформившегося суждения писателя о стране. В целом, оно обнаруживает преемственность с описаниями России у авторов предшествующих эпох и соответствует общему представлению о ней как об экзотической, неизвестной и неизведанной стране. Образ России в «Персидских письмах» складывается из наиболее популярных сюжетов европейской россики: неограниченная власть русского монарха, суровый климат, невежество москвитов, их дикие обычаи, например, запрет покидать страну. В частности, в параграфе предпринимается попытка восстановить происхождение отдельных, наиболее любопытных высказываний Монтескье о России и проанализировать писательскую интерпретацию источников. Объектом анализа становится также письмо LXXXI, в котором проявляются зачатки будущего мифа о «русской угрозе».

Следующим важным этапом в формировании образа России у Монтескье следует считать пребывание писателя в Вене в 1728 году, отметившее начало его четырехлетнего путешествия по Европе. Этому этапу посвящен **третий параграф**, который носит название «Вена (1728). **Петр I в рассказах очевидцев**». Прежде всего, в нем ставится вопрос о роли европейского путешествия Монтескье в общем контексте творческой

---

⁴ Avertissement // Perry J. Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie. Paris: J. Boudot, 1717. S.p.

биографии писателя. Затем делается попытка определить то влияние, которое венский период путешествия оказывает на оценку писателем личности Петра. В Вене Монтескье впервые представляется случай свести знакомство с «очевидцами» русской действительности. Устные сообщения, представлявшие исключительный интерес для Монтескье и зафиксированные писателем в его сборнике «Мысли», подвергаются в параграфе подробному анализу. К этому периоду знания Монтескье о Петре достаточны, и очевидно, что его суждение о нем не вполне соответствует утверждающемуся в европейской росике идеализированному образу царя-преобразователя, в одиночку создавшего новую страну. Рассказы очевидцев, в свою очередь, еще более способствуют укреплению представлений Монтескье о Петре как о варваре. Принципиальную важность имеют в этом отношении рассказы адмирала Дейхмана (о так называемых «всешутейных и всепьянейших соборах») и графа Таруки (об отдельных фактах частной жизни царя). Что касается второго собеседника, в то время как некоторые из сообщенных им сведений проистекают из его собственных наблюдений, в основном мы имеем дело с таким явлением, как исторический анекдот, весьма популярный в XVIII веке в Европе в целом и в России в частности. В параграфе существенное внимание уделяется характеристикам этого жанра в связи с вопросом о том, какую интерпретацию анекдоты о Петре получают у Монтескье. Петр I был одним из наиболее популярных персонажей анекдотов, авторы которых, отмечая дурные манеры царя, тем не менее, признавали его гениальным правителем, превратившим варварскую Московию в цивилизованную Россию. Иными словами, обнажая грубость нравов Петра, анекдоты не отменяли величия его заслуг. В свою очередь, Монтескье не допускает разделения на человека и государственного деятеля, эти две взаимосвязанные ипостаси исторической личности оказывают непосредственное влияние друг на друга. Таким образом, Монтескье одним из первых среди мыслителей Просвещения ставит под сомнение качества Петра как государственного деятеля, считая его неспособным изменить нравы своих подданных и связывая его неудачу не с чем иным, как с его человеческими качествами.

Четвертый параграф «Князь Антиох Кантемир и братья Гуаско (1738)» продолжает тему, намеченную в предыдущем параграфе. В круг собеседников Монтескье вводятся новые персонажи, оказавшие определенное влияние на формирование образа России. Среди них Кантемир является, пожалуй, единственным достоверным источником сведений, поэтому неудивительно, что личность русского посла во Франции вызывает особый интерес среди литераторов. Оказывая помощь французским авторам, писавшим на русскую тему, Кантемир способствует созданию образа Петра во французской литературе. Распространение в Европе знаний о России и об исторической роли Петра I действительно

видится Кантемиру одной из его основных задач и как писателя и как дипломата. В параграфе дается, в частности, обзор нескольких эпизодов европейской литературной жизни, в которых Кантемир принимает самое активное участие, усматривая в них потенциальную угрозу престижу России и репутации Петра. В контексте проблемы связей Антиоха Кантемира с литераторами Западной Европы исследователями закономерно был поставлен вопрос о возможном знакомстве Кантемира с Монтескье. Наиболее обстоятельным исследованием, посвященным этому вопросу, по-прежнему остается статья М.П. Алексеева «Монтескье и Кантемир» (1955). Среди исследователей по сей день не существует единого мнения относительно личных и творческих связей двух писателей. В параграфе рассматривается общий круг парижских знакомых Монтескье и Кантемира, и анализируются некоторые любопытные факты, подтверждающие вероятность их личного знакомства. Ценным источником информации в исследовании этого вопроса послужили донесения парижской полиции, осуществлявшей надзор за иностранцами (архив Бастилии), в которых содержатся, в частности, новые сведения о знакомстве Кантемира с мадам Жоффрен. Однако наибольшую значимость представляют фигуры братьев Оттавиано и Джована Гуаско. Первый связан с Монтескье и Кантемиром общими литературными проектами. Второй, чье знакомство с Монтескье происходит непосредственно после возвращения Гуаско из России, включается в число вероятных источников сведений о России. В заключение параграфа дается общая характеристика представлений Гуаско о России, зафиксированных в его биографии, частично опубликованной итальянским исследователем Чезаре де Микелисом⁵.

Следующий, пятый параграф ««Сатиры» Кантемира во Франции (1749)», связан с предыдущим параграфом и касается истории французского издания «Сатир» князя Кантемира. Прежде всего, в параграфе вносятся поправки в традиционное представление об авторе французского перевода книги, которым долгое время считался Оттавиано Гуаско, и уточняется роль Монтескье в ее публикации. Далее, даются сведения об откликах на «Сатиры» во французской прессе («Mémoires de Trévoux»), где «Сатиры» Кантемира представлены в качестве иллюстрации к климатической теории Монтескье. Наконец, предпринимается попытка сличения двух последовательных французских изданий «Сатир» (1749 и 1750 годов), которые оказываются не вполне тождественными друг другу. Издание 1750 года сопровождается гораздо более подробными в сравнении с текстом первого издания примечаниями, бывшими, по всей видимости,

---

⁵ De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV-V (1982-1983). P.91-114.

недостаточными для европейского читателя. Отдельное внимание уделяется анализу наиболее любопытных примечаний. Кроме того, в параграфе ставится вопрос о возможном взаимном влиянии Монтескье и Кантемира. С одной стороны, речь идет о замысле перевода «Персидских писем» на русский язык, осуществленного Кантемиром, в частности, предпринимается попытка восстановить историю сведений о якобы утраченном переводе романа. С другой стороны, рассматривается вероятность того, что некоторые сведения о России, представлявшие известный интерес для Монтескье, были сообщены именно Кантемиром, бывшим очевидцем и даже участником их. Таким образом, выдвигается гипотеза о возможной роли Кантемира в «Духе законов».

Заглавие шестого параграфа - «Эволюция образа России от «Персидских писем» к «Духу законов»» - свидетельствует о том, что образ России у Монтескье не статичен. В этом параграфе производится анализ некоторых записей, содержащихся в сборнике «Мысли» и подтверждающих факт эволюции, которая объясняется изменениями в самой российской действительности. В частности, анализу подвергается эволюция представлений Монтескье о нечувствительности москвитов («Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу»⁶). Писатель, не связывавший надежд на улучшение нравов в России с фигурой Петра I, тем не менее, не отрицает саму вероятность изменений. Эта на первый взгляд парадоксальная идея непостоянства национального характера в действительности не противоречит положениям теории климатов, а известная формула «власть климата сильнее всех иных властей»⁷ вовсе не исключает возможность эволюции национального характера, о чем Монтескье впервые говорит в неизвестных широкому читателю «Размышлениях о жителях Рима». Вопрос о вероятности эволюции решается писателем в ключе проблемы о положении женщины, увлекавшей многих писателей эпохи Просвещения. По мысли Монтескье, положение женщины теснейшим образом связано с типом правления. Так, свобода женщин соответствует самому «духу монархии», точно так же как «деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин»⁸. Именно женщина, по мысли писателя, оказывает беспримерное влияние на вкусы и нравы общества и именно с ней Монтескье связывает свои надежды на смягчение суровых нравов в деспотических странах, к каковым он относит и Россию. Невзирая на в целом негативную оценку личности и деятельности Петра I, Монтескье, тем не менее, одобряет политику русского царя в отношении женщины, ибо именно ему она обязана своим освобождением от домашнего рабства. Таким образом, по

---

⁶ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Loix. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.375.

⁷ Ibid. P.468.

⁸ Ibidem.

масштабу перемен Россия являет собой, в глазах философов Просвещения, в том числе и Монтескье, в некотором роде уникальный пример. После многовекового домашнего рабства женщина не только оказывается вовлеченной в придворную жизнь, но и сама становится полноправной хозяйкой миллионов рабов. Монтескье, выступавший сторонником женского правления (умеренного по определению), проявляет определенный интерес к женскому правлению в России и, в частности, к фигуре Анны Иоанновны, о чем свидетельствуют материалы из сборника «Мысли», вошедшие впоследствии в трактат «О духе законов».

Заключительный, **седьмой параграф «Монтескье о деспотизме в России»** подводит итоги первой главы. Процесс раскрепощения женщины, начатый Петром I, должен, по мысли Монтескье, положительным образом повлиять на характер власти в России. Очевидно, что основанием к такому утверждению выступают какие-то конкретные явления, имевшие место в России и являющиеся, по мысли писателя, показателями определенных сдвигов в ее политической жизни. На основании этого утверждения в параграфе производится анализ тех фрагментов «Духа законов», в которых действительно содержатся указания на некоторые явления, свидетельствующие о возможности освобождения России от деспотизма. Монтескье дает теоретическое обоснование подобной вероятности изменений. Деспотизм в России якобы невозможно вывести из природы ее климата. Россия, по утверждению Монтескье, является европейской страной, поэтому и природа деспотизма здесь иная, нежели в странах Азии. Писатель приходит к главному выводу, согласно которому «существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями»⁹. Таким образом, окончательно оформляются представления Монтескье о России как о специфической форме деспотического государства. Эта проблема, в свою очередь, составляет основу будущей «полемики» вокруг творчества Монтескье в России, которой и посвящена вторая глава диссертации.

Вторая глава - «Рецепция творчества Монтескье в России в XVIII веке» - представляет собой попытку проанализировать различные пути рецепции творчества Монтескье в России во второй половине XVIII века. В ней исследуется сложная и противоречивая судьба представлений писателя о России в творчестве не только собственно русских авторов, но также и иностранцев, живших в России. Заглавие **первого параграфа - «О русских переводах Монтескье в XVIII веке»** - определяет его основное содержание. Издание первых переводов Монтескье на русский язык относится к 1769 году. Любопытно, однако, что главные произведения писателя - роман «Персидские письма» и трактат «О духе законов» - не входят в число ранних переводов. В первом и единственном

⁹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467-468.

в XVIII веке русском издании «Духа законов» (1775), представляющем собой лишь треть от общего объема оригинала, наиболее критические высказывания о России полностью изъяты переводчиком, другие - существенно искажены. Предпринятый в параграфе сопоставительный анализ опубликованного перевода, выполненного В.И. Крамаренковым, и неизданного перевода А. Павлова свидетельствует о том, что второй выгодно отличается от первого точностью и полнотой. Отдельное внимание уделяется русским переводам «Персидских писем». До выхода первой полной русской версии романа, «Персидские письма» печатаются фрагментами в различных небольших изданиях. Впрочем, речь идет об одном и том же фрагменте - знаменитой притче о троглодитах (письма XI-XIV), политический смысл которой в означенных переводах явно нивелирован. В параграфе приводится также анализ двух последовательных (1789 и 1792 годов) полных переводов романа, выполненных соответственно Ф.Т. Поспеловым и Е.В. Рознотовским. Объектом особого внимания являются примечания, сопровождающие второе издание, которое представляется, таким образом, более полным по сравнению с первым. Так или иначе, в обоих случаях уместно говорить о вмешательстве переводчика в авторский текст, в котором подвергаются правке эпизоды, способные набросить тень на Россию как государство, идущее по пути Просвещения. Параграф завершается обзором неизданных русских переводов Монтескье.

В связи с проблемой рецепции «Персидских писем» в России, во втором параграфе «Русская тема в эпистолярном романе второй половины XVIII века» ставится вопрос о собственно художественном влиянии Монтескье и о русских «подражаниях» знаменитому роману. «Персидские письма» служат образцом для подражания для многих европейских авторов, подтверждая слова самого Монтескье, говорившего, что его «Персидские письма» «научили писать романы в письмах»¹⁰. В XVIII-начале XIX века в литературе встречаются любопытные образцы «русских писем». В параграфе делается попытка рассмотрения некоторых из них в контексте закрепленной Монтескье традиции псевдо-восточного романа в письмах. Особое внимание уделяется неизданному сочинению французского гувернера шевалье Дезессара «Московский путешественник, или Русские письма», посвященному И.И. Шувалову. В конце 1990-х годов рукопись привлекла внимание В.С. Ржеуцкого и В.А. Сомова, посвятивших ей отдельное исследование¹¹. Интерес этого сочинения состоит, прежде всего, в том, что, по словам самого автора, «русских

¹⁰ P. 1621. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Le Spicilège, éd. établie par Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.513.

¹¹ Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (Из французских контактов И.И. Шувалова) // Философский век. Альманах. Вып.8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Михешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.

писем до сих пор еще никто не сочинял»¹². Между тем, «новый» герой - русский путешественник - помещен в известную по «Персидским письмам» повествовательную модель. В «Московском путешественнике» мы вновь сталкиваемся с ситуацией остранения, когда от лица воображаемого путешественника-иностранца европеец пишет о родной ему Европе. Помимо повторяемости повествовательных приемов и параллелизма названий, романы Монтескье и Дезессара имеют также ряд других сходств, анализу которых и посвящена основная часть параграфа. Вместе с тем, отмечается пророссийский дух сочинения, выразившийся, в частности, в апологии личности и преобразовательной деятельности Петра I и в утверждении исключительной роли России в Семилетней войне.

К этому же периоду относится появление другого сочинения, известного под названием «Русских писем». «Русские письма» Ф.Г. Штрубе де Пирмона направлены против «Духа законов» Монтескье и являются, таким образом, важным документом для изучения истории рецепции Монтескье в России во второй половине XVIII века. Этому сочинению, входящему в число наиболее ранних образцов критики Монтескье в России, посвящен третий параграф, носящий соответствующее название: «Критика “Духа законов” в России». Параграф открывается обзором европейских критических откликов на «Дух законов», позволяющим составить представление о литературном контексте, в котором выходят «Русские письма» Штрубе. Будучи профессором юриспруденции и политики Петербургской Академии наук, Штрубе проявляет исключительный интерес к российскому законодательству и его истокам. В частности, автор предпринимает проект по составлению «Краткого руководства к российским правам», составляет «Слово о начале и переменах российских законов», где впервые ставится под сомнение авторитет Монтескье.

Последовательная критика Монтескье и созданного им образа России как деспотического государства составляет основное содержание «Русских писем». По мысли автора, Монтескье дает несообразную с действительностью картину российской действительности. Автор «Духа законов», таким образом, обвиняется в том, что негативно отзываясь о России, не зная ее. В параграфе приводятся сведения о неисследованном в литературоведении русском переводе «Русских писем», выполненном в XIX веке И.И. Мартыновым, а также производится анализ самого сочинения. Ключевой идеей «Русских писем» является идея о монархической природе власти в России. В частности, обращает на себя внимание параллель между Россией и древним Римом, довольно широко эксплуатировавшаяся в литературе о России. В этом отношении

---

¹² *Volageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр.О. XV.38. Лл.44-44об.

интересным объектом для сравнения представляются высказывания, содержащиеся в неопубликованных работах Антонио Нуньеса Рибейро Санчеса, португальского врача, состоявшего на службе в России.

Анализ «Русских писем» обнаруживает принципиальное расхождение между Монтескье и Штрубе не только в оценке природы власти в России, но также и во многих других вопросах: в трактовке понятия рабства, в представлениях о влиянии климата на нравы народа, в оценке личности Петра и использованных им методов осуществления реформ. Характер критических высказываний Штрубе в адрес Монтескье подтверждает, что «Русские письма» написаны в традиции литературных опровержений, весьма распространенных в XVIII веке. В их числе обнаруживаются, в частности, и другие образцы опровержений Монтескье. В качестве иллюстрации приводится сочинение испанского автора Хосе Кададьсо «Защита испанской нации против “персидского письма LXXVIII” Монтескье» (1766), представляющее собой опровержение критического образа Испании, созданного Монтескье на страницах «Персидских писем».

Следующий, **четвертый параграф «От “Русских писем” Штрубе де Пирмона к “Наказу” Екатерины II»** подхватывает проблему, затронутую в предыдущем параграфе. Текст «Русских писем» был знаком великой княгине Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине II, о чем свидетельствуют ее собственноручные замечания на полях книги. «Русские письма» вызывают крайнее раздражение будущей императрицы, которая неодобрительно отнеслась к самой идее книги, представляющей собой опровержение одного из наиболее чтимых ею авторов. Так, критика представлений Монтескье о России как о стране деспотизма и рабства, предпринятая Штрубе де Пирмоном на страницах его «Русских писем», становится объектом критики самой будущей Екатерины II. Многочисленные заметки на полях, анализируемые в параграфе, позволяют составить некоторое представление о том, какую позицию занимала Екатерина в отношении проблемы деспотизма и крепостного права в России незадолго до восшествия на престол. Позиция Екатерины обнаруживает преемственность с идеями автора «Духа законов» - не только в самом определении формы правления России как деспотической, но и в пояснении причин ее возникновения и устойчивости, кроющихся в географических особенностях страны. В то же время, заметки на полях «Русских писем» свидетельствуют о сочувственном отношении Екатерины к позиции Монтескье по вопросу рабства, который продолжает искренне волновать ее и в первые годы царствования. Однако в связи с вопросом о рецепции творчества Монтескье наибольший интерес представляет знаменитый «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения». «Наказ» известен, прежде всего, тем, что содержит многочисленные заимствования из трактата Монтескье «О духе законов», основного источника текста. Однако любопытен не столько сам факт заимствования,

сколько механизм рецепции. В отличие от «опровергателей» Монтескье, нападавших на писателя за критические отзывы о России, Екатерина, наоборот, использует текст Монтескье в целях создания благоприятного образа страны. Действительно, расчет на европейского читателя принципиален при составлении «Наказа». В известном смысле этот расчет оправдывается: «Наказ», являющийся слепком с французской политической мысли, парадоксальным образом имеет определенный успех в самой Франции. В параграфе производится, в том числе, сличение русской и французской версий «Наказа», в которых наблюдаются значительные расхождения в выборе лексических средств для выражения ключевых понятий (деспотизм, самодержавие, рабство).

С критикой «Наказа» в России тесным образом связано имя Михаила Михайловича Щербатова, противника Екатерины II и почитателя Монтескье. Заключительный, пятый параграф «Монтескье и Щербатов» открывается анализом «Замечаний на Большой наказ Екатерины» (1773), в котором Щербатовым впервые предпринимается попытка систематической реконструкции заимствований из «Духа законов» Монтескье. «Замечания» носят довольно резкий критический характер. При этом основанием для упреков Щербатову служит не столько сам факт заимствования из «Духа законов», сколько констатация сознательного искажения Екатериной мысли Монтескье, связанного, главным образом, с интерпретацией русского самодержавия. Неоднозначную реакцию автора «Замечаний» вызывают также положения «Наказа», связанные с крестьянским вопросом. Нередко, возражая на отдельные положения «Наказа», Щербатов выражает свое несогласие с идеями самого Монтескье, положенными в их основу, например, с положением о «географических» причинах деспотической власти русских государей или идеей об исторической принадлежности России к европейскому континенту. Хотя Щербатов в целом поддерживает осуществлявшуюся Петром I политику «европеизации» России, он неоднозначно оценивает пользу петровских реформ. Во многом имевшие целью смягчить древние грубые нравы, они оказывают на нравы самое губительное воздействие. Эта тема подробно раскрывается Щербатовым в трактате «О повреждении нравов в России» (1786/1787). Используя аргументы Монтескье в защиту петровских реформ, нацеленных на раскрепощение женщины, Щербатов выворачивает их наизнанку, утверждая, что эта мера принесла России больше вреда, нежели пользы. Любопытное применение в трактате находит также идея Монтескье об исключительной роли примера, наблюдаемого народом в своем государе и имеющего силу, равную силе закона. Параграф завершается анализом малоизвестного сочинения князя Щербатова «Разные рассуждения о правлении», обнаруживающим как жанровое, так и идейное родство с трактатом «О духе законов».

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Прежде всего, вопреки расхожему мнению, представленному во введении к работе, признается относительное богатство и разнообразие использованных писателем источников сведений о России.

В результате, в сочинениях Монтескье выстраивается сложный, внешне противоречивый, но весьма оригинальный на фоне современных писателю тенденций образ России. В частности, Монтескье занимает нетрадиционную по отношению к общепринятой позицию в оценке личности и деятельности Петра I, с одной стороны, и оценке русского народа, с другой. В то же время, писатель предлагает новое решение в вопросе об одновременной принадлежности России к Западу и Востоку.

Не имея о России никакого эмпирического знания, Монтескье, тем не менее, с невероятной точностью удается обозначить наиболее острые и актуальные проблемы российской действительности. Однако представления Монтескье о России как о стране деспотизма и рабства естественным образом провоцируют неоднозначное восприятие его творчества в России.

Рецепции творчества писателя в России происходит, главным образом, на содержательном, а не на художественном уровне, что составляет специфику русской рецепции Монтескье. В России предпринимаются отдельные попытки создания произведений по образцу «Персидских писем», но художественные качества этих сочинений намного уступают роману Монтескье.

Важным свидетельством неоднозначной рецепции писателя в России являются переводы его главных сочинений, для которых характерны купюры, вставки и искажения текста в тех фрагментах, которые имеют отношение к России.

В то же время, отклики на своеобразные представления Монтескье о России обнаруживаются в немалом количестве оригинальных сочинений, поражающих разнообразием своей жанровой природы. Исследованные в диссертации авторы, чьи сочинения находятся в тесном взаимодействии, являют собой более или менее очевидные примеры различных тенденций в восприятии творчества Монтескье. Так, «Русские письма» написаны в традиции литературных опровержений, а их автор занимает по отношению к французскому писателю отчетливую враждебную позицию. «Наказ» Екатерины II справедливо считать апологией философской и политической мысли Монтескье, своеобразной формой рецепции-интерпретации с последующим использованием идей Монтескье в качестве инструмента для утверждения репутации России как просвещенной монархии. На этом фоне позиция князя Щербатова, явленная в «Замечаниях на Большой наказ Екатерины» и в трактате «О повреждении нравов в России», предстает как наиболее объективная, сочетающая в себе элементы как одобрения, так и критики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

а) Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Путешествие в литературном наследии Шарля-Луи Монтескье // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 9: Филология, Востоковедение, Журналистика. Вып. 4. Ч. II. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С.3-9.

б) Публикации в сборниках научных трудов:

2. Притча и история как форма аргументации в философской и художественной прозе Монтескье // Материалы XXXVI международной филологической конференции 12-17 марта 2007. История зарубежных литератур. Вып. 8. СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. С.30-34.
3. «Персидские письма» Монтескье. Роман-путешествие или восточная сказка? // Материалы XXXVII международной филологической конференции 11-15 марта 2008. История зарубежных литератур: имагологические аспекты литературы. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С.33-39.
4. «Персидские письма»: История в романе // Литературные чтения. Время, личность, судьба: Сборник статей, под ред. В.Я. Гречнева. Том 179. СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2008. С.139-146.
5. Власть женщины - женственная власть (Женщина в творчестве Шарля-Луи Монтескье) // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи: Научный сборник, под ред. Н.Т. Пахсарьян, Москва: Экон-Информ, 2008. С.37-43.

ОНУТ Филологического факультета СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.
Подписано в печать 20.12.10.
Тираж 100 экз.